

Бирючин Святослав Владимирович

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ "ЧЕРНОЙ КНИГИ" В РОМАНЕ В. С. ГРОССМАНА "ЖИЗНЬ И СУДЬБА"

В статье посредством сравнительного анализа текстов исследуется функционирование документальных источников сборника "Черная книга" в романе В. С. Гроссмана "Жизнь и судьба". Основное внимание автор статьи акцентирует на очерках "Убийство евреев в Бердичеве" и "Треблинка", нашедших наиболее обширное и точное художественное отражение в тексте романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 32-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

PROPER NAMES AS IDENTIFYING SIGNS IN LANGUAGE SYSTEM

Belyaev Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State Agrarian University
anbelajew@mail.ru

The article considers the functioning of proper names in the language system. The postulate about variative structure of the language system is taken as the theoretical basis of the analysis. By the material of the German language the author proves the existence of the smallest identifying unit – nomem in the onimic system and considers the types of its implementation at different levels.

Key words and phrases: proper name; appellative; variability; nomem; allonym.

УДК 82-3; 821.161.1

Филологические науки

В статье посредством сравнительного анализа текстов исследуется функционирование документальных источников сборника «Черная книга» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Основное внимание автор статьи акцентирует на очерках «Убийство евреев в Бердичеве» и «Треблинка», нашедших наиболее обширное и точное художественное отражение в тексте романа.

Ключевые слова и фразы: документальный источник; факт; авторский вымысел; «Черная книга»; «Жизнь и судьба»; В. С. Гроссман.

Бирючин Святослав Владимирович

Московский педагогический государственный университет
biryuchin@yandex.ru

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ «ЧЕРНОЙ КНИГИ»
В РОМАНЕ В. С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»©**

Подготовленная Василием Гроссманом в 1944-1946 гг. совместно с Ильей Эренбургом «Черная книга» – сборник документальных свидетельств очевидцев о массовом уничтожении евреев нацистами на оккупированных территориях СССР и Польши во время Великой Отечественной войны – была впервые издана на русском языке лишь в 1980 г. в Израиле и почти не известна широкому читателю. Подготовкой ее к печати занималась специальная Литературная комиссия, образованная вскоре после войны при Еврейском антифашистском комитете. Свой вклад в создание сборника внесли такие советские писатели и журналисты, как М. Алигер, П. Антокольский, Вс. Иванов, В. Каверин, Р. Фраерман, В. Шкловский и др.

Василий Гроссман принял в этом коллективном расследовании особенно деятельное участие: на него были возложены функции составителя и редактора. Кроме того, он написал к «Черной книге» предисловие и лично подготовил к печати ряд материалов: «Убийство евреев в Бердичеве», «История Минского гетто», «Рассказ старого человека, Шмуэля-Довида Кугеля», «В местечке Горы», «Рассказ доктора Гольдфайн», «“Бреннеры” из Белостока», «Из дневника скульптора Ривоша», «Колхозница Юлия Кухта спасла еврейских детей», «В Хорольском лагере», «Треблинка».

Предметом рассмотрения в данной статье будет художественное отражение документальных источников «Черной книги» в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» [1]. С этой точки зрения главный исследовательский интерес представляют два очерка писателя – «Убийство евреев в Бердичеве» [3] и «Треблинка» [2].

Первый очерк получил обширное отражение в 18-ой главе первой части романа, которая полностью состоит из письма Анны Семеновны Штрум своему сыну Виктору. Эта глава носит автобиографический характер: как и мать Штрума Анна Семеновна в «Жизни и судьбе», мать Василия Гроссмана Екатерина Савельевна, которой посвящен роман, погибла в еврейском гетто. Она стала прототипом Анны Семеновны Штрум, в то время как сам Василий Гроссман послужил прообразом главного героя произведения Виктора Штрума.

Письмо Анны Семеновны из гетто, адресованное сыну, содержит большое количество фактов, заимствованных автором из документального очерка «Убийство евреев в Бердичеве», включенного в «Черную книгу».

Так, например, в роман точно перенесены реальные обстоятельства нападения немцев на город. Гроссман пишет в очерке: «*Немцы появились в Бердичеве неожиданно: к городу прорвались немецкие танковые войска. Только треть еврейского населения успела эвакуироваться. Немцы вошли в город в понедельник 7 июля 1941 года, в 7 часов вечера. Солдаты кричали с машин: “Юден капут!”*, махали руками и смеялись; они знали, что в городе осталось почти все еврейское население» [3, с. 33] (*здесь и далее курсив автора – С. Б.*). Анна Семеновна рассказывает в своем письме об этих событиях: «*Седьмого июля немцы ворвались в город. В городском саду радио передавало последние известия, я шла из поликлиники после приема больных и остановилась послушать, дикторша читала по-украински статью о боях. Я услышала отдаленную стрельбу, потом через сад побежали люди, я пошла к дому и все удивлялась, как это пропустила сигнал воздушной тревоги. И вдруг я увидела танк, и кто-то крикнул: “Немцы прорвались!”*» <...> *Немцы ехали на грузовике и кричали: “Juden kaputt!”*» [1, с. 800-801].

Оккупация Бердичева сопровождалась многочисленными злодеяниями немцев, однако, Гроссман упоминает в очерке и о «внутренних врагах» – тех жителях города, которые не были евреями по происхождению и обнаружили в бедственном положении еврейского населения свои плюсы. В письме сыну Анна Семеновна подробно рассказывает об этих людях, на многочисленных примерах иллюстрируя целую галерею типов, обнаживших с началом войны свое истинное лицо. Неожиданная перемена в их поведении становится для нее настоящим потрясением, причем в числе предателей оказываются люди, прежде казавшиеся порядочными: «Вот старик педагог, пенсионер, ему 75 лет, он всегда спрашивал о тебе, просил передать привет, говорил о тебе: “Он наша гордость”. А в эти дни проклятые, встретив меня, не поздоровался, отвернулся. А потом мне рассказывали, – он на собрании в комендатуре говорил: “Воздух очистился, не пахнет чесноком”. Зачем ему это – ведь эти слова его пачкают» [Там же, с. 802].

В романе также в подробностях изложены реальные обстоятельства переселения бердичевских евреев в гетто. В очерке Гроссман пишет: «По городу были расклеены *объявления, предлагавшие всем евреям переселиться* в гетто, организуемое в районе Яток – городского базара» [3, с. 35]. Анна Семеновна рассказывает в письме: «На стенах домов висели желтенькие *объявляющие*: “*Всем жидам предлагается переселиться* в район Старого города не позднее шести часов вечера 15 июля 1941 года”. Не переселившимся – расстрел» [1, с. 802].

Из очерка «Убийство евреев в Бердичеве» («*Людям запрещалось, под страхом сурового наказания, выходить из пределов гетто. Покупать продукты на базаре можно было лишь после шести часов, т.е. тогда, когда базар пустел и никаких продуктов уже не было*» [3, с. 35]) и из очерка «История минского гетто», подготовленного Гроссманом на основе свидетельств его бывших узников («...под страхом расстрела *евреям приказали одеть желтые латы*, строго определенного размера, на грудь и на спину» [4, с. 159]), в письмо Анны Семеновны привнесены документальные подробности строго регламентированной жизни евреев в гетто: «...они должны носить на груди желтую лату в виде шестиконечной звезды; покупки на базаре разрешается делать только после шести часов вечера (когда крестьяне уезжают с базара). Старый город будет обнесен колючей проволокой, и выход за проволоку запрещен, можно только под конвоем на принудительные работы» [1, с. 803].

«Не знаю, случайный ли это произвол или предвестие ждущей и нас судьбы?» [Там же, с. 804] – задумывается Анна Семеновна Штрум в сентябре 1941 г., наблюдая за бесчинствами немцев. В очерке, написанном Гроссманом с высоты прожитых военных лет, на этот вопрос дается однозначный ответ: «Население думало, что издевательства и убийства в первые дни происходили не по приказу, и пыталось обращаться с жалобами к немецкому начальству, просить помощи против самочинных расправ. Сознание тысяч людей не могло примириться со страшной правдой, что сама власть, само гитлеровское государство одобряет все эти чудовищные расправы» [3, с. 34-35].

Состояние неопределенности, неясности судьбы, преобладающее среди населения гетто, позволяет Анне Семеновне сделать парадоксальное для себя открытие: «Здесь я вижу, что надежда почти никогда не связана с разумом, она бессмысленна, я думаю, ее родил инстинкт» [1, с. 806-807].

Именно с этой инстинктивной надеждой обреченных на гибель людей связаны слухи, описанные Гроссманом и в очерке, и в романе. В «Черной книге» он приводит свидетельство о том, что старые врачи в Бердичеве не переставали надеяться на возвращение Красной Армии и утешали себя обнадеживающими слухами. Анна Семеновна в письме сыну удивляется этому всепоглощающему стремлению людей к «спасительному» самообману: «Слухи рождаются десятками. То, задыхаясь от радости, сосед сообщает, что наши войска перешли в наступление и немцы бегут. То вдруг рождается слух, что советское правительство и Черчилль предъявили немцам ультиматум, и Гитлер приказал не убивать евреев. То сообщают, что евреев будут обменивать на немецких военнопленных. Оказывается, нигде нет столько надежд, как в гетто. Мир полон событий, и все события, смысл их, причина, всегда одни – спасение евреев» [Там же, с. 807-808].

Письмо Анны Семеновны довольно точно воссоздает и другие документальные подробности очерка «Убийство евреев в Бердичеве». Реально существовавшие пособники нацистов Редер и Королюк трансформируются в ее рассказе в единый образ предателя Эпштейна. Очерковое свидетельство о том, как людей заставляли копать братские могилы, также получает отражение в романе: «...евреи, посланные копать картошку, роют глубокие рвы в четырех верстах от города, возле аэродрома, по дороге на Романовку. Запомни, Витя, это название, там ты найдешь братскую могилу, где будет лежать твоя мать» [Там же, с. 809].

Гроссман отмечает в очерке, что особенно страшным временем в гетто была ночь: «Тысячи старушечьих и детских сердец замирали, когда *в ночи* слышался грохот солдатских сапог, громкая немецкая речь» [3, с. 35]. Анна Семеновна, рассказывая об этом сыну, признается в своих слабостях и страхах: «*Ночь* в гетто – особое время, Витя. <...> Теперь *по ночам*, Витя, меня охватывает ужас, от которого леденеет сердце. Меня ждет гибель. Мне хочется звать тебя на помощь» [1, с. 808].

Следует отметить, что дата массового убийства евреев в Бердичеве, указанная в очерке – 15 сентября 1941 года – упоминается в «Жизни и судьбе» не только в письме Анны Семеновны. Это же число называется другой узник нацистского режима – проповедник «бессмысленной доброты» Иконников, казненный немцами за отказ принимать участие в строительстве лагеря смерти: «*Пятнадцатого сентября* прошлого года я видел казнь двадцати тысяч евреев – женщин, детей и стариков. В этот день я понял, что Бог не мог допустить подобное, и мне стало очевидно, что его нет» [Там же, с. 751].

Второй очерк Гроссмана из «Черной книги», получивший обширное художественное отражение в «Жизни и судьбе» – «Треблинка» – рассказывает об одном из крупнейших нацистских концентрационных лагерей времен Второй мировой войны. Писатель лично посетил его в качестве фронтового корреспондента газеты «Красная звезда» в сентябре 1944 г.

Лагерю № 1, кратко описанному в очерке, в романе соответствует многонациональный трудовой лагерь, в котором содержатся такие герои, как Мостовской, Иконников, Чернецов, Гарди и другие. Более подробный рассказ о лагере № 2 послужил документальной основой для романного изображения лагеря смерти, в газовой камере которого погибают пленные евреи – Софья Левинтон, Давид, Ревекка Бухман.

Гроссман довольно точно перенес в роман многие реальные факты, описанные им в «Треблинке»: нечеловеческие условия содержания пленных в эшелонах, обстоятельства их приезда в лагерь, доведенную до автоматизма работу местных сотрудников, «сортирующих» толпу для упорядоченной ликвидации, а также обманные обещания жертвам о следовании в баню, которая в действительности оказывается газовой камерой. Здесь мы вновь становимся свидетелями того, как пленные люди готовы поверить в любую надежду. По дороге в Треблинку Софья Левинтон сталкивается с инстинктивным стремлением людей к самообману, за которым в бердичевском гетто наблюдала Анна Семеновна Штрум: «Софью Осиповну выспрашивали о положении на фронтах, и так как она ничего хорошего не рассказала, ей объяснили, что ее сведения неверные, и она поняла, что в телячем вагоне есть своя стратегия, основанная на страстной жажде существовать на земле» [Там же, с. 902-903].

В этом смысле примечательна та разница, которую Гроссман обозначает при сравнении мироощущения далеких от войны людей и тех, кто лично столкнулся с ее ужасом. То, что для Софьи Левинтон, направляющейся в Треблинский лагерь смерти, вполне очевидно (неизбежная гибель), и то, что изображается в романе с документальными подробностями (описание принципов работы газовой камеры, рассказ о жизни сотрудников зондеркоманды), в восприятии переводчика Каримова, беседующего с Виктором Штрумом в эвакуационной Казани, принимает характер маловероятного предположения: «...он слышал о каких-то лагерях в Польше, куда свозят евреев, убивают и разделяют их тела, как на скотобойнях. Но, видимо, это фантазия» [Там же, с. 1055].

Упомянув в очерке о том, что поезда с пленными из западноевропейских стран были несравненно «богаче» тех, что прибывали из Польши или Белоруссии («Пассажиры везли с собой объемистые кофры и чемоданы, большие запасы продуктов» [2, с. 398]), Гроссман переносит эту характерную деталь в роман, как бы цитируя циничные размышления работников лагеря, стремящихся извлечь выгоду из чужой трагедии: «Эшелоны с востока – самые скверные, в них больше всего мертвецов, больных, в вагонах наберешься вшей, надышишься зловонием. В этих эшелонах не найдешь, как в венгерских, либо в венгерских, либо голландских, либо бельгийских, флакон духов, пакетик какао, банку гущенного молока» [1, с. 1217].

Помимо этого Гроссман отражает в романе очерковое описание лагерного города, упоминает оркестр, встречающий пленных евреев, и рассуждает о проникновенной силе музыки для обреченного на смерть человека. Особенно трагично описана в романе перенесенная из «Треблинки» сцена прощания близких людей, намеренно разделенных нацистами перед смертью. Мальчик Давид, отчасти автобиографический герой романа (его довоенные воспоминания о еврейском местечковом мире отсылают читателя к бердичевскому детству самого Гроссмана), вместе с Софьей Левинтон, заменившей ему мать в последние дни жизни, идет к своей смерти по дороге, которую автор видел лично и описал в очерке: «Эту аллею немцы называли “Дорога без возвращения”» [2, с. 406].

Принципиально важно понимать, что уже в «Треблинке», комментируя документальный текст, Гроссман предпринимает попытку мысленно поставить себя на место людей, вошедших в газовую камеру, уже тогда у него рождается идея одной из самых трагичных сцен не только «Жизни и судьбы», но и, возможно, всей мировой литературы. Формат данной статьи исключает возможность сопоставительного анализа столь объемных фрагментов, однако, мы можем смело утверждать, что по сравнению с текстом очерка в романе «Газовая сцена» представляется более совершенной. То, о чем в «Треблинке» Гроссман пишет еще не вполне уверенно, в «Жизни и судьбе» превращается в трагический эпизод мощнейшей силы, повествующий о последних минутах жизни не абстрактных фигур, а конкретных героев – Софьи Левинтон и Давида.

В завершение следует отметить, что документальные труды Гроссмана, вошедшие в «Черную книгу», получили не столь обширное, но также весьма существенное отражение в других фрагментах «Жизни и судьбы». Отчасти из очерков «Черной книги» возникла 50-ая глава первой части романа, в которой писатель рассуждает о лагерных восстаниях и противостоящей им массовой покорности насилию, неожиданно открывшейся в эпоху фашизма. Кроме того, предисловие Гроссмана к «Черной книге» отчетливо перекликается с 32-ой главой второй части романа, посвященной размышлениям автора о природе антисемитизма.

Исходя из сказанного выше, можно констатировать, что ряд наиболее пронзительных эпизодов романа «Жизнь и судьба» основан на реальных событиях, первоначально отраженных в очерках писателя в сборнике «Черная книга». При этом столь активное обращение Гроссмана к документальным источникам в художественном тексте, на наш взгляд, не только продиктовано стремлением автора к исторической достоверности, но и объясняется причиной, обозначенной в статье «Документ в современной литературе» П. В. Палиевским, который отметил, что в ходе Второй мировой войны «обнажились человеческие пределы – и в ту и в другую сторону, – дальше которых пока что никакому художнику заглянуть не удастся» [5, с. 383]. Приводя в пример реальное сражение за Берлин на территории действующего зоопарка, увиденное многими военными корреспондентами, но описанное ими совершенно отлично друг от друга, Палиевский приходит к выводу: «писать можно по-разному, но сам факт, взламывая поверхность войны, содержит столько “разноречивых чувств”, что лучше, чем он есть, его не передашь. Иными словами, это готовый образ» [Там же, с. 384-385].

Безусловно, создавая цельное и объемное художественное произведение, Василий Гроссман не мог не обращаться к авторскому вымыслу, но сюжетной основой многих «еврейских сцен» романа явились именно самодовлеющие, потрясающие воображение факты реальной жизни военных лет, зафиксированные писателем в документальных очерках «Черной книги» и перенесенные в роман «Жизнь и судьба» во всей своей образной полноте для оказания мощного психологического воздействия на читателей.

Список литературы

1. **Гроссман В. С.** Жизнь и судьба // Гроссман В. С. За правое дело. Жизнь и судьба: диалогия. М: Астрель, 2012. 1518 с.
2. **Гроссман В. С.** Трелинка // Черная книга / сост. под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. К.: Обериг, 1991. С. 391-422.
3. **Гроссман В. С.** Убийство евреев в Бердичеве // Черная книга / сост. под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. К.: Обериг, 1991. С. 32-43.
4. **История Минского гетто. По материалам: А. Мачиз, Гречаник, Л. Глейзер. П. М. Шапиро** // Черная книга / сост. под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. К.: Обериг, 1991. С. 152-194.
5. **Палиевский П. В.** Документ в современной литературе // Палиевский П. В. Из выводов XX века. СПб.: Русский остров; Владимир Даль, 2004. С. 376-402.

DOCUMENTARY SOURCES OF THE "BLACK BOOK" IN THE NOVEL BY V. S. GROSSMAN "LIFE AND FATE"

Biryuchin Svyatoslav Vladimirovich
Moscow State Pedagogical University
biryuchin@yandex.ru

The article by means of comparative analysis of the texts examines the functioning of documentary sources of an anthology "Black Book" in the novel by V. S. Grossman "Life and Fate". The author pays special attention to the essays "The Murder of Jews in Berdichev" and "Treblinka" acquired most detailed and accurate artistic representation in the text of the novel.

Key words and phrases: documentary source; fact; author's fiction; "Black Book"; "Life and Fate"; V. S. Grossman.

УДК 81'322

Филологические науки

В статье определяются основные особенности параметрической лексики при контент-анализе мнений на материале отзывов клиентов о качестве банковского обслуживания. Предлагается усовершенствованная структура лексикона для контент-анализа мнений. Результаты исследования показывают, что параметрическая лексика выражает мнение имплицитно. Некоторая часть параметрической лексики может быть отнесена к одному из главных классов (положительному или отрицательному лексикону), причем такое отнесение является специфичным для данной предметной области. Большая часть параметрической лексики относится к вспомогательным классам (инкрементам или декрементам), и такое отнесение представляется универсальным.

Ключевые слова и фразы: обработка естественного языка; контент-анализ мнений; оценочный лексикон; предметная область; параметрическая лексика; инкремент; декремент.

Брунова Елена Георгиевна, д. филол. н., доцент
Тюменский государственный университет
egbrunova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗЕ МНЕНИЙ©

1. Введение

Контент-анализ мнений (англ. *sentiment analysis*) является одной из бурно развивающихся методик автоматической обработки естественного языка. Первые работы были опубликованы в начале 2000-х гг. [11; 13; 14; 15], и с тех пор сделано достаточно много. Созданы оценочные лексиконы, разработаны алгоритмы [5; 8; 9; 10; 12]. Основные исследования в данной области проводились на материале английского языка, и казалось логичным применить их результаты для других естественных языков, перевести лексиконы и модифицировать средства синтаксического анализа. Однако попытки создания универсального оценочного лексикона, основного инструмента контент-анализа мнений, пока не увенчались успехом.

Оценочный лексикон (англ. *sentiment lexicon*) представляет собой множество слов, которые используются для выражения мнений и эмоций в документах контент-анализа мнений (отзывах и т.п.), он обычно состоит из двух классов – положительного и отрицательного лексикона [13]. Со временем стало очевидно, что такой лексикон является специфичным для конкретного языка и для конкретной предметной области.

Проблема специфичности по языку связана с особенностями морфологии и синтаксиса естественных языков, тогда как проблема специфичности по предметной области относится к сфере семантики. Некоторые слова из оценочных лексиконов оказываются специфичными для той или иной предметной области [6, р. 242], например, слово *долгий* относится к положительному лексикону при оценке времени работы аккумулятора (предметная область «смартфон»), однако при оценке затрат времени клиента (предметная область «качество банковского обслуживания») оно относится к отрицательному лексикону. В данной статье такие неоднозначные слова называются параметрической лексикой.